

Глава 11

Но все воспоминания могли обернуться лишь вздохом.

В этот момент главы Девяти Сект, наблюдавшие за боем с небес, тоже думали об одном и том же человеке и об одной и той же трагедии прошлого. Но никто не смел произнести его имя вслух.

Ведь другой участник тех событий сидел сейчас на почетном месте; его лицо было подобно льду, а аура — гнетущей и величественной.

И Ванчэнь, ненавидящий зло и идущий по Дао Бесстрастия, особенно презирал своего бывшего старшего брата-предателя, Цин Чанъюя. Кто осмелится произнести эти три слова перед Бессмертным Владыкой? Разве что тот, кому жизнь совсем не дорога.

Его ледяные, подобные прозрачной глазури, глаза едва заметно шевельнулись, не отрываясь от лазурного силуэта на арене. Судя по ауре в даньтяне, этот человек был всего лишь на стадии Зарождения Души, но при этом с поразительной лёгкостью, даже не запачкав рукава, побеждал мастеров стадии Единения с Дао. Его мастерство было неоспоримым.

Эта сцена, словно зеркальное отражение прошлого, заставила И Ванчэня вновь услышать голос человека, которого не было уже сотню лет. Воспоминание было пропитано болью. Одно лишь прикосновение к нему вызывало фантомную ломоту в костях, будто всё тело снова оказалось во власти агонии и вот-вот начнёт истекать кровью.

Двести лет назад, на Платформе Нефритового Дракона. Чистый юношеский голос прервал всеобщий гул насмешек и презрения:

— Верните вещи моего младшего брата.

Восьмилетний И Ванчэнь с переломанными рёбрами и ногами лежал на камнях. С трудом подняв голову, он увидел перед собой старшего брата в белоснежных одеждах.

Отец мальчика был главой секты Тайцин, и с самого детства на него возлагали непомерные надежды. Когда на арене его избивал мастер Золотого Ядра, не давая даже шанса на ответный удар, ребёнок встретился взглядом с родителем, стоявшим внизу.

В этом взоре было всё: холод, разочарование, безгливость, отвращение... всё, кроме сочувствия. Казалось, отцу было бы легче, если бы его сын умер здесь, чем потерпел позорное поражение. В сердце И Ванчэня образовалась пустота.

Длинный меч пронзил воздух и замер в трёх цунях от его лица. В тот же миг мальчик услышал звук клинка, входящего в плоть. Окровавленная ладонь перехватила лезвие, а юноша сурово произнёс:

— Я сказал, если хотите драться — деритесь со мной!

Того звали Цин Ань. Ему было шестнадцать лет.

Шисюн был невероятно красив. Ученики постоянно говорили о нём — кто-то с нежностью, кто-то с нескрываемым восхищением. Но в тот миг, когда он стоял в залитых кровью одеждах, с холодным и решительным взглядом, его утончённая красота обрела острую, хищную силу, что с лёгкостью покоряла сердца.

И Ванчэнь впервые осознал, что Цин Ань был совсем не так прост.

Поединки на Платформе Нефритового Дракона велись насмерть. Юноша, как и его младший брат, был тогда лишь на стадии Заложения Основ и объективно не мог победить этого необычайно сильного противника.

Восьмилетний мальчик, сдерживая слёзы и преодолевая боль, попытался подняться, чтобы сражаться вместе с ним. Но стоило ему встать на ноги, как раздался всеобщий возглас изумления.

Цин Ань совершил прорыв прямо во время боя.

И Ванчэнь помнил лишь тупую, ноющую боль в костях. Он перестал быть сильнейшим среди сверстников, и это осознание душило его сильнее, чем страх смерти.

Схватка затягивалась. Три благовонные палочки, отмерявшие время поединка, почти догорели. Заклинатель Золотого Ядра, не ожидавший, что какой-то мальчишка окажется столь упорным, внезапно начал формировать печать, готовясь взорвать себя.

Тело И Ванчэня ещё не успело среагировать, как шисюн крепко обнял его, закрывая собой. Раздался тихий треск — это новорождённое Золотое Ядро Цин Аня дало трещину от ударной волны.

Из тела взорвавшегося противника вырвался сгусток демонической энергии. С того дня Цин Ань прослыл гением, что в шестнадцать лет достиг новой ступени и смог распознать скрытого демонического заклинателя. Его талант, внешность и отвага стали главной темой для разговоров. Все твердили, что у И Ванчэня замечательный старший брат и что без его вмешательства мальчику бы не видать победы на турнире.

Облегчающая боль анестезия, казалось, вытеснила из сознания все эмоции, набросив на прошлое плотную вуаль времени. И Ванчэнь помнил лишь, как белоснежные, словно нефрит, пальцы, хранящие тепло фарфоровой чаши с лекарством, легонько коснулись его щеки.

— Совсем ещё ребёнок.

Внизу, у Платформы Нефритового Дракона, юный ученик Девятиярусной Башни, пришедший со своим наставником, с любопытством спросил, услышав обрывки разговоров старших:

— Дядюшка-наставник, о чём вы говорите?

Существование того человека было намеренно вычеркнуто из истории. Записи о турнире того года были спрятаны в архивах, поэтому новые поколения ничего о нём не знали.

Заклинатель погладил бороду и сдержанно ответил:

— Двести тридцать лет назад был один человек, который тоже устроил переполох на этих плитах. Но в тот день всё было далеко не так мирно.

— То была кровавая бойня, битва не на жизнь, а на смерть! — подхватил другой. — Кто бы мог подумать, что юный гений, некогда сразивший демонического заклинателя, сможет...

— Тсс... не стоит об этом болтать.

Их взгляды упали на арену, и разговор резко оборвался. Наступила полная тишина.

Перед старейшинами возник ещё один человек. Он появился на помосте незаметно, словно призрак. Он был одет во всё белое, с головы до ног укрыт вуалью, не оставляя на виду ни сантиметра кожи. Незнакомец был высок, и его фигура должна была бы сразу бросаться в глаза, но никто не уловил момента его появления. Это пугало.

Старейшины относились к нему с величайшим почтением. Они расступились, пропуская его вперёд. Ученик секты Уцзи тихо шепнул соседу, что это — аватар Бессмертного Владыки И Ванчэня, который действует под именем одного из старейшин.

Слишком могущественные мастера, способные одним своим движением вызвать катаклизмы, часто использовали подобные воплощения. Этот аватар вмещал в себя три десятых его истинной силы. По уровню он был равен мастеру Зарождения Души, но его реальная мощь была несравненно выше.

Внизу тут же раздались приветственные возгласы, восхваляющие добродетели почтенного.

«Так вот он какой, сильнейший человек эпохи, Бессмертный Владыка И Ванчэнь. Какая спесь»,
— Цин Чаньюй мысленно хмыкнул и, следуя общему примеру, поклонился.

— Бессмертный Владыка, тысячи лет добродетели, не так ли?..

Цин Чаньюй выпрямился и не спеша смерил собеседника взглядом с головы до ног, пока не встретился с ледяным взглядом, пронзавшим вуаль. Затем он вызывающе приподнял бровь.

«Чего так холодно на меня смотреть? Не нравится, что мы одинаково одеты?»

<http://bllate.org/book/16005/1570180>